

Е.А. Яровая

СИМВОЛИКА КОРШУНА И ГРИФА

Уже на ранних этапах своего развития человечество особо выделяло коршуна и грифа среди других представителей рода пернатых. Им отводилось важное место в образно-знаковом осмыслении темы жизни и смерти. В Древнем Египте поклонялись и грифу, и коршуну.

Коршун — хищная птица семейства ястребиных с небольшой головой, коротким сильным крючковатым клювом, длинными, суженными к концу крыльями и хвостом, зачастую вилообразным, как у ласточки. Тело стройное, легкое, около 55-56 сантиметров, одинаковое по размеру у самца и самки. Обитает по всему миру в теплых районах. Питается насекомыми, рептилиями, иногда падалью. Основные разновидности — красный коршун, встречающийся в Европе, Северной Африке и степях Средней Азии, и черный коршун, повсеместно распространенный в странах Старого Света.

Гриф также принадлежит к семейству ястребиных, известно около 20 разновидностей. Это большие птицы, питающиеся падалью (некрофаги), с длинной шеей, лишенной перьев, необычайной силы загнутым клювом и длинными, но слабыми ногами. Как шакалы и гиены, грифы способны часами сохранять неподвижность, карауля умирающих. Среди европейских видов выделяется самая большая птица — черный гриф (размах крыльев до 3 метров, вес до 13 килограммов), обитает на юге Европы и в Малой Азии. Египетский гриф, так называемый «цыпленок фараона», отличается малыми размерами — 60 сантиметров, вытянутым в длину клювом и хохолком на затылке, напоминающим петушиный

гребень. На территории России, на Балканах и Апеннинах, а также на севере Африки встречается еще одна разновидность — грифон.

Задуматься об образной природе коршуна, а в связи с ним и грифа в немалой степени побуждает знаменитый психобиографический очерк Зигмунда Фрейда о Леонардо да Винчи (1910). Все внимание Фрейд концентрирует на следующей записи из дневников художника: «Должно быть, мне на роду было назначено так основательно заниматься коршуном, ибо на ум приходит самое раннее воспоминание детства, будто я лежал в колыбели, а ко мне спустился коршун, открыл мне уста своим хвостом и много раз этим хвостом ударил меня по губам». Отец психоанализа трактует эти строки как фантазию Леонардо о детстве, расшифровывая ее подобно снам своих пациентов. Действия коршуна в сознании младенца связаны с процессом кормления материнской грудью. Коршун, считает доктор Фрейд, должен выражать идею матери. Подтверждение такой идентификации птицы ученый ищет в мифологии Древнего Египта. Но, рассматривая образную наполненность коршуна только в связи с древнеегипетскими культами, ученый, несомненно, обедняет ее. Коршун — фигура многозначная. Образ этой птицы по-разному толковался первобытным миром, древневосточными цивилизациями и античной классикой, был переосмыслен в раннехристианский период и прочно вошел в эмблематику европейского Ренессанса и барокко.

Первые обнаруженные рисунки хищных птиц, имеющие сакральный характер, относятся к верхнему палеолиту. Для неолита показательны изображения «птичьих кортежей» — симметричных геральдических композиций из птиц, нередко в сочетании с солярными знаками над птичьими головами, а также воитивных повозок с птицами. На рельефе из Анатолии в святилище из четвертого слоя Чатал-Уюка видны головы двух коршунов, охватывающих женскую грудь,

а под ними — череп и обглоданные кости. Там же на фресках седьмого слоя нарисованы грифы с огромными крыльями и человеческими ногами, терзающие обезглавленный труп. Очевидно, что уже на ранних этапах развития цивилизации коршун и гриф были выделены среди других представителей рода пернатых. Они играли значительную роль в образном осмыслении темы жизни и смерти. В Древнем Египте за неумышленное убийство коршуна или грифа полагалась смертная казнь (Геродот, «История», II, 65).

Гриф — символ неба, посвященный богиням Мут и Нехбет. Последняя предстает в облике грифа с распростертыми крыльями и символами царской власти. Дочь Ра (и его око), Нехбет считалась покровительницей фараона, выполняя защитную роль повитухи правительницы в сценах царского деторождения. Богиня Мут (подразумевалось, что она является матерью обожеествляемого фараона) изображалась антропоморфной, в причудливом головном уборе: два крыла накрывали уши, а голова с птичьим клювом располагалась надо лбом. Такое же сакральное украшение венчало головы цариц Египта. Иероглиф в виде грифа обозначал звук «а», например, при написании имени Клеопатры.

Коршун связан с культом Исиды — супруги Осириса, матери Гора. Богиня приняла облик самки коршуна, дабы волшебным образом зачать от мертвого Осириса своего сына Гора. Самое известное изображение этой сцены — в рельефе храма Сети I в Абидосе. Коршун, связанный с таинством божественных метаморфоз, был второй ипостасью Исиды.

Произведение позднеэллинистического автора Горуполло Нилуса «Иероглифика» является попыткой раскрыть смысл иероглифов без знания египетской письменности. Горуполло рассматривает их как идеограммы, непосредственно передающие понятия. Автор указывает, что изображение грифа использовалось для обозначения следующих понятий: мать, зрение, предел, небо, год, предска-

знание будущего, милосердие, природа, собака, Минерва, Юнона, Урания и две драхмы. Тексты Горapollo стали источником легенды об однополости грифов — верили, будто существуют только грифы-самки, оплодотворяемые восточным ветром. Впоследствии оно было переосмыслено христианскими толкователями в связи с догматом непорочного зачатия.

В Библии коршун и гриф определяются как птицы нечистые, наряду с орлом и соколом их запрещено употреблять в пищу (Лев. 11, 13; Вт. 13, 14). В книге Иова образно подмечено их острое зрение: «Стези туда (имеется в виду путь к мудрости Божьей. — *Е. Я.*) не знает хищная птица, и не видал ее глаз коршуна» (Иов 28, 7). В Священном Писании говорится также о том, что вещим знаком гнева Господня на все народы будет воцарившееся запустение во дворцах знати и присутствие в них страшных тварей: «Там угнездится летучий змей, будет класть яйца и выводить детей и собирать их под тень свою, там и коршуны будут собираться один к другому...» (Ис. 34, 15).

В данном случае коршуна можно расценивать как эсхатологическое предзнаменование, предвестие близкого конца света.

В классической античности коршун и гриф ассоциировались с ясновидением. Древние прорицатели предсказывали судьбу по полету священных птиц. Ауспиции, или птичьи знамения (от латинских слов *aves* — «птица», *spedo* — «наблюдаю») заказывали и для определения личной судьбы знатных граждан, и для выяснения будущего целого народа. Гадали по полету орлов и коршунов, крику ворон или сов, поведению при кормлении кур и лебедей. Судьбоносным стало легендарное гадание Ромула и Рема по полету грифов, описанное Титом Ливием в его «Истории Рима от основания города» (I, 6-7): «Братья были близнецы, различие в годах не могло дать преимущества ни одному из них, и вот, чтобы боги, под чьим покровительством находились те места, птичьим знаме-

нием указали, кому наречь своим именем город, кому править новым государством, Ромул местом наблюдения за птицами избрал Палатин, а Рем — Авентин. Рему, как передают, первому явилось знамение — шесть грифов, — и о знамении уже возвестили, когда Ромулу предстало двойное против этого число птиц. Каждого из братьев толпа приверженцев провозгласила царем, одни придавали больше значения первенству, другие — числу птиц». Тот же сюжет находим и у Плутарха в сочинении «Сравнительные жизнеописания. Ромул». В собрании Государственного Эрмитажа хранится деревянный рельеф римской работы последней четверти XVI века с редким сюжетом — «Ромул и Рем, гадающие по полету грифов» (атрибуция сотрудника Государственного Эрмитажа Ч.А. Мезенцевой). На нем отчетливо видны летящие хищные птицы с характерно загнутыми клювами. Еще одно произведение изобразительного искусства на ту же тему, но созданное уже средствами печатной графики, принадлежит резцу известного итальянского гравера Джованни Баттиста Фонтана (около 1524-1587) — «Ромул и Рем, гадающие по полету грифов» из его серии эстампов «История Ромула и Рема». Из посвящения можно сделать вывод о том, что серия была приурочена творцом к важному историческому событию — провозглашению Фердинанда I Габсбурга императором Священной Римской империи в марте 1558 года. Таким образом, не датированные автором листы, отпечатанные Джованни Фонтана по собственным композициям, были, вероятно, завершены около 1558-1559 годов. Лист № VII изображает братьев в кругу сторонников каждого из них, гадающих, на каком холме основать столицу и кому в ней править. На первом плане виден Ромул, над головой которого кружат двенадцать грифов. Вдали на другом холме, простирая руки к небесам, стоит менее удачливый Рем. Над ним парят шесть хищных птиц.

Грифами запрягалась колесница Хроноса-Сатурна — символ бега времени, скоротечности земного существования.

Коршун в античности, по свидетельству Гомера («Одиссея», «Илиада») и Овидия («Метаморфозы»), входил в число вестников Аполлона наряду с ястребом и соколом. Иногда коршун выступал в роли знака-заменителя лучезарного Феба. Согласно «Теогонии» Гесиода, во время борьбы со змееногим Пифоном Аполлон обернулся коршуном. Как и орел, коршун также является исполнителем воли Зевса, его палачом, призванным наказать по заслугам ослушников громовержца — Прометея и Тития (Лукиан «Разговоры богов». «Прометей и Зевс»; Гомер «Одиссея», XI, 576-580; Вергилий «Энеида», VI, 595-600). У Лукиана Зевс, обращаясь к Прометею, восклицает: «Тебе шестнадцать коршунов должны не только терзать печень, но и глаза выклевывать за то, что ты создал нам таких "милых" существ, как люди, похитил мой огонь и сотворил женщин!». Тираном предстает коршун у Федра («Басни», «Голубки и коршун»). У Апулея («Метаморфозы», X, 33) сатирический образ судьи-взяточника воплощен в коршуне. Он же нечестивец, лишь на смертном одре обратившийся к богам в басне Бабрия («Больной коршун»). Геродот («История»), Аристотель («О животных»). Плиний Старший («Естественная история») и Элиан («О природе животных») подводят своего рода итоги исследованиям повадок коршунов и грифов, упоминая связанные с ними легенды.